

Хотя, по факту, всё здание на пятьдесят с лишним этажей принадлежит Озкорп и Норме Озборн, в частности, так что, да, технически это можно считать их домом. У нас, кстати, ситуация похожая, от чего я поначалу офигевал, конечно, но потом привык. Кхм, ладно, Озборн.

В общем, спустя месяц «слезливых» упрашиваний и клятвенных заверений, что они «ни-ни» - ни капли в рот, ни сантиметра в ж... Чёртов недотрах! Короче, Озборн сдалась и разрешила сыну привести парочку друзей. Парочку, а не четыре десятка! Да, этот индивидуум без чувства страха и инстинкта самосохранения, пригласил едва ли не половину старшей школы. Нет, ну а что? Их тоже можно понять - бухлом, Гарри сказал, обеспечит. Подарки... Так в Америке не принято дарить подарки и лишь близкие друзья, да родственники это делают. Вот и получается, одни сплошные плюсы: халявное бухло, вечеринка у сына одной из богатейших женщин страны, так ещё и тратить деньги и ломать голову над безделушкой для богатенького мальчика, которого привозят в школу на Майбахе, не надо!

— Томми! Фелиция! — широко разведя руки в стороны приветствовал нас Гарри с улыбкой от уха до уха.

Я тепло улыбнулся и обнял друга, похлопывая по спине.

— Ну, что, мажорик, с дэй оф ю криэйшен он зис планейшен! — сильно коверкая слова подобием русского акцента поздравил я друга, под недоумевающим взглядом сестрёнки и не отстающим от неё Гарри.

— Томми? — Озборн забавно приподнял одну бровь, — Это чего сейчас было?

— Да, братик, мне тоже интересно.

— Это я решил покреативить. — не дрогнув бровью, с полной серьёзностью на лице «признался» в содеянном.

— А ты оказывается хорошо умеешь изображать русский акцент! — подивился именинник.

— Неплохо я говорю на русском, а изображаю акцент я, — вновь перехожу на коверканный английский, — замечательно.

В это время сзади раздался радостный возглас:

— Гарри! — к нам направилась группка каких-то девиц, коих я, признаюсь честно, не особо то и знал. Вроде бы они на год старше нас учатся. Гарри же мазнул взглядом по ним, подарив улыбка, тем самым говоря, что ему нужна минутка, а потом вернул его к нам.

— Ладно, мне нужно быть хорошим хозяином. — подпустил он в голос немного

извиняющихся ноток, — Поэтому, друзья, проходите и почувствуйте себя как дома. Стаканчики и выпивка в гостиной, там же и закуски. Ни в чём себе не отказывайте, а я к вам присоединюсь позже.

Когда же мы уже собирались уйти, Гарри быстро наклонился ко мне и, подобрав громкость так, чтобы я его услышал сквозь шум колонок, но в то же время так, чтобы этого не могли сделать другие, сказал:

— Когда придёт Петра я её сразу проведу к тебе. — задорно подмигнул Озборн-младший. — Развлекайся, дружище! — хлопнул меня по плечу и наконец перевёл своё внимание на новоприбывших гостей.

Как я уже говорил, подарки тут дарить не принято, но вот прийти и не поздравить будет очень дурным тоном. Хоть пару слов, но скажи, будь добр.

Мы же отправились в гостиную, откуда разносилась музыка, жанр которой я даже затруднялся определить. Это было что-то среднее между драм-н-бейсом, дабстепом, который начал набирать свою массовую популярность в этом году, и какой-то танцевальной хип-хоповской темой.

— И о чём вы там шептались? — вид у Фили был такой, словно ей, ну вот вообще ни капельки неинтересно, и она просто делает это ради того, чтобы я, наконец, смог излить свою жажду поскорее поделиться этой информацией с ней, а она, так и быть, выслушает. Но толь потому, что я её брат. Да, именно так. Цените её и лелейте. Ох, всё же цундере? Да нет, скорее просто кошка. Большая белая кошка.

— Это... Секрет. — и улыбочку ехидную. Сестра на это лишь фыркнула, но вот интонация этого «пф» содержала в себе столько... Тут вам и капелька смущения, и недовольство, и какая-то игривость даже. Будь мы в какой-нибудь «Наруте», то, думаю, Учиха с чистой совестью могли принять её за свою. А может даже на каком-нибудь жутко тайном собрании, где они снимают свои маски пафосных засранцев, превращаясь в обычных людей, начали набиваться к ней в ученики!

Хм... Вот я вроде бы и не пил, а дичь всякая в голову так и лезет.

— Ну не хочешь - не говори, я просто спросила из вежливости. — ага, охотно верю, если она спросила это «из вежливости», то я монах, тысячу лет державший целибат.

— Да ладно, сестрёнка, — моя рука легла ей на плечи и притянула к себе, пока мы продолжали неспешно идти, — Какая-то ты хмурая последнее время, — на меня подняли... хмурый взгляд, который так и говорил «да ладно, правда что ли» с целым тазиком сарказма в виде приправы. Губы против воли растянулись в лёгкую улыбку, — Не хмурься, Фелиция, тебе не идёт. — и слегка наклонившись, коснулся губами её виска в невесомом поцелуе.

Ну вот, есть реакция: глазки опустили, на лице заиграла сдерживаемая всеми силами, едва заметная улыбка, а к щечкам прилила кровь, окрашивая те в приятный глазу оттенок лёгкого смущения.

— Дурак...

— Какой есть. — задорно хмыкнув на эту фразу, я обвёл глазами творящееся, кхм, нечто. Ох, и спрашивается, нахрена я сюда припёрся? Нет, понятно, нахрена, но моё «нахрена» имело другой смысл.

Гостиная представляла собой просторное помещение с множеством кресел, мешков-пуфов, большого стола, стоящего по центру и заваленного различными пластиковыми стаканчиками, тарелками с едой, маленькими треугольными бутербродами, проколотыми шпажками, двумя огромными тарелками с начос и несколькими объемными мисками с соусами. Гуакамоле, сырный, манговый, который я обязательно «прихватизирую» в свои загребушки, и, если не ошибаюсь, сальса. Ах, да, на полу, около дальнего от входа края стола возвышался, практически доставая в высоту этот самый стол, железный бочёнок с гейзером, одна штука. Ну или как эта хрень называется, которая через небольшой шланчик с насадкой-пистолетиком, разливает пиво по стаканчикам. Такие ещё в американских фильмах показывали, которые я частенько смотрел в детстве, ну вот эти вот все «Американские пироги», где во время студенческих вечеринок толпа пьяных оголтелых «мачо» соревнуются, кто больше выжрет этого пойла из вот таких вот бочонков. Ну а дальше... Дальше мой взгляд начал плавать по всевозможным девичьим фигурам, тут и там, примостившихся на разных местах, собираясь в группки «по интересам». Интересами тут, как не сложно догадаться, выступали немногие парни и несколько «гордых» и «независимых», но так, мельком, косящихся в сторону «не очень гордых» собратьев... сосестрий? Сестёр по интересам, вот. Выглядело это, конечно, забавно, но у каждого свои тараканы. Я же понял, что вечер из расслабляющего, стремится перерасти в совершенно противоположный, поскольку девицы, хоть и были одеты более-менее прилично, но концентрация гормонов в комнате просто зашкаливала, метафорически говоря. Слегка опьяневшие от легкого алкоголя, девушки, видимо, осмелели и едва ли не открыто флиртовали. Неуклюже, неумело, но под действием алкоголя они отдавались этому со всем старанием, так что такие попытки выглядели, отнюдь, не бесполезными.

В бок прилетел острый локоток Фелиции, выдернувший меня из состояния ступора, схожего с возникающим у кота, попавшего в рыбный цех. И хочется, и колется. Хочется, потому что гормоны бушуют, а колется, потому что, продолжая сравнение с котом, стоит мне «пристроиться к рыбке», как придёт большой и страшный сторож, поймает, а потом сделает «чик-чик» моим «бубенчикам». И ведь убежать не получится – я и есть этот охранник. Вернее, моё собственное тело. И как бы мне сейчас не хотелось, как бы гормоны с утроенной силой не били в голову, но я понимал, что нельзя... Чёртов мир! Чёртово подростковое тело!

— Слюни подбери! — на меня фыркнули и сбросив руку с плеча, гордой походкой обиженной женщины, не боящейся эту обиду показать, дабы ты, дурак такой заметил, осознал и пошёл извиняться, удалились в сторону, в которой просматривались макушки и мордашки знакомых мне одноклассниц.

— Эх... — обвёл я весь «цветник» понурым взором и потопал за сестрёной, сделав остановку

возле столика, наливая по стаканчику пива мне и ей, соответственно. Ну и начос с тарелочкой мангового соуса не забыл прихватить – сказал же, что он будет моим, хе-хе... Хотя что-то сладенькое мне сегодня достанется.

* * *

Спустя где-то часа полтора-два, к моему маленькому цветничку, куда вошли Фелиция, Джесс и Триш, наконец добавился и сам виновник торжества. С измученной мордой лица, он подошёл к нам и бухнулся на кресло, облегченно выдохнув и вытянув ноги.

— Жесть...

— Что, достали? — бросил я взгляд на развалившегося и запрокинувшего голову назад Озборна младшего.

Вместо ответа он поднял одну руку и махнул ей, вернее попросту уронив обратно, что красочно иллюстрировало его уровень задолбанности.

— А ведь тебе это потом ещё и убирать. — с горящими задором глазками напомнила слегка захмелевшая и расслабившаяся Фелиция, — Сомневаюсь, что миссис Озборн будет рада вернуться утром в загаженную квартиру. — после чего скрыла лёгкую, немного ехидную улыбку, за краями пластикового стаканчика, сделав глоток.

Гарри выдал нечто нечленораздельное, похожее на, не то завывание, не то скулёж побитого слона, в котором была вся боль от осознания той задницы, куда его завело желание повеб... повыведываться перед... А, действительно, перед кем? Перед нами? Так мы ненамного беднее него. Перед Триш и Джессикой? Так он к ним, насколько я помню, не испытывает ничего такого, заставившего бы его настолько заморочиться. Возможно, виноват юношеский дебилизм, который обычно называют красивым словом «максимализм»?

— Кстати. — Джессика даже сегодня не изменяла себе в выборе одежды, надев тёмные джинсы, чёрные ботинки на высокой подошве и мешковатую чёрную толстовку с рисунком какой-то группы на спине. Но, признаться честно, ей всё это шло, особенно мило смотрелись рукава, скрывавшие её ладони, оставляя одни лишь пальцы открытыми. — А где Петра? — перевела она взгляд на Гарри, как хозяина вечеринки, встречавшего гостей, и который уж точно должен был её увидеть.

— Она ещё не пришла.

— Странно... — нахмурилась Джесс, — Она точно говорила, что придёт к семи часам.

— Ну это же Петра, — протянула Триш, пожав плечами, — Наверняка как обычно зачиталась и потеряла счёт времени.

— Может позвонить ей? — Гарри отлип от стены, к которой прижимал до этого голову, после чего посмотрел на меня, таким образом «тонко» намекая, кто, по его мнению, должен этим заняться.

— Ладно, пойду позвоню.

Музыка продолжала орать, так что для звонка нужно было найти местечко потише. Таким оказалась большая открытая терраса с видом на Центральный парк. Подойдя ближе к краю, я начал искать в телефонной книге номер девушки, листая пальцем по сенсорному экрану.

Встретили меня лишь мерные гудки в трубке, за которыми следовал звук, означающий превышение времени ожидания ответа. Девушка не брала трубку. Второй звонок дал те же результаты. Как и третий. Не то чтобы я начал волноваться, но это было достаточно странно – Петра, даже пусть она настолько погружалась в литературу, что «терялась на дороге жизни», обычно отвечала на звонки. Может действительно случилось чего? С дядей там или тётей. Размышляя, я направился в «комнату уединения». Пусть обычный алкоголь на меня не действует, как он бы не действовал на любого человека, практически перешедшего грань простого человека, но в туалет-то ходить нужно.

Пробираясь сквозь толпу пьяных подростков, я дошёл до своих, кратко обрисовал им ситуацию по поводу Петры, после чего всё же отправился в ванную комнату, которая оказалась занята. Благо на втором этаже была ещё одна, так что ждать, пока очередной школьник, дорвавшийся до своего первого, а главное, халявного бухла, сидит сейчас в обнимку со столь нужным мне предметом обихода, вызывая «Ихтиандра», было ненужно. Правда, оказалось, что не я один такой умный и кто-то уже занял ванную на втором этаже, так что, привалившись спиной к стене, я стал смиренно ждать. Не знаю из-за чего конкретно, но грохотавшая внизу музыка тут ощущалась довольно прилично приглушенной. Так что, ожидая своей очереди, я решил ещё раз набрать Петру, но и в этот раз результат не изменился. Внутри начало назревать какое-то неприятное чувство... Вдруг действительно что-то случилось? Что-то серьёзное. Я бы понял, если её телефон был недоступен – разрядился, с кем не бывает, но, чтобы не отвечать... Да, временами Паркер могла казаться безответственной, особенно в глазах некоторых учителей из-за её постоянных опозданий. И, да, многие на моём месте могли бы просто подумать, что девочка забыла телефон дома, но я, надеюсь, хорошо смог изучить её за эти годы и понимал, что забыть телефон было не в её привычке. А ещё... Шестое чувство, которому я привык доверять неприятно ворочалось. Интуиция, без которой на пути самосовершенствования делать нечего и которую я привык слушать сейчас стала нащёптывать нечто неприятное. Нечто, грядущее.

За стеной послышались приглушенные голоса девушек, обсуждавших что-то. Невольно я прислушался.

— Крис, — послышался один голос, — Слышала, что эта придурочная Томпсон учудила?

— Джина-то? Да чего она могла учудить? Опять небось подходила ко всем и каждой грозясь устроить «сладкую жизнь» любой, которая позарится на Озборна или Харди? — фыркнула вторая. А вот эта фраза заставила меня напрячься и обратиться в слух.

— Ну, типа того. — вновь хмыкнула первая, — Она наклюкалась, видать с горя, что её «ненаглядные», — на этом слове раздался ещё один не то фырк, не то хмык, — На неё внимания не обращают. От одного сестра не отходит, а второй постоянно с гостями.

— Ха, так ей и надо, сучке этой!

— Да погоди ты! Мне тут Пэм знаешь, что рассказала?

— Ну?

— Эта Томпсон походу последние мозги себе мячом выбила, — шум воды стих, а голоса стали отчетливее, — И всё со своими прилипалами таскалась, ноя там, как она задолбалась, что её, всю такую классную, динамят, а чмошницу Паркер, что Харди, что Озборн, чуть ли не в задницу целуют.

— Нет, ну вообще, да, несправедливо. Она же серая мышь - ни сисек, ни задницы. На размер меньше и будет «доска два соска».

— Нет, ну так-то мордашка у неё симпатичная, да волосы хорошие.

— Ага, волосы у неё прям шикарные!

— Чёрт, ты меня с мысли сбила, так о чём я? А, точно, так вот Пэм случайно услышала разговор Томпсон со своими «подружками». Они, короче, решили проучить мелкую, которая, как та выразилась, лезет на то, что не принадлежит ей и совершенно не понимает намёков, а значит пора показать ей её место в этом мире.

— Чё прям так и сказала?

— Ага.

— А дальше что?

— Что-что. Ты же знаешь, что Гарри пригласил и Паркер сюда?

— Допустим...

— Ну он её пригласил, но она так и не пришла. А Гарри-то, ты видела, ходит высматривает её.

— Что? Нет, я понимаю школа, но опаздывать на вечеринку к Озборну... — с той стороны

послышалось неодобрительный «цик».

— Вот и я о том же!

— В общем, они решили её проучить и решили перехватить по пути сюда.

— Эм, — голос показывал всё недоумение девушки, — Они, что, совсем конченые?

— Это же Томпсон и её компашка, они там отбитые все. — словно прописную истину рассказывает, своей глупой подруге, поучительным тоном другая.

В этот момент дверь открылась и моему взору предстали блондинка и брюнетка, самозабвенно обсасывающие сплетню, отчего они даже не сразу заметили меня.

— Да ну, бред, одно дело они словесно над ней издеваются, ну и просто задевают по мелочи, а другое уже «показать её место». Она же просто в полицию на них заявит и всё!

— Ой, да ладно тебе - сами друг друга устранят. Одна в тюрьмочку уедет, другая на больничную койку, глядишь и нам чего перепа... — тут они наконец заметили, что их тихий междусобойчик, не такой уж и тихий, не такой уж и междусобойчик, — ... дёт. Т-том?

Внутри меня начинала пробуждаться злость. Ещё не гнев, не ярость, но злость. Злость на себя, что я не замечал всего этого. Злость на Томпсон. Злость на Петру, которая ничего мне не сказала... Видимо нечто подобное отобразилось у меня на лице, раз обе они синхронно побледнели и замерли, словно две оленихи в свете фар несущейся фуры.

— Когда они ушли? — на расшаркивания не было времени, а чуйка стала подавать сигналы уже более явно.

— К-кто? — голос блондинки непроизвольно дрогнул.

— Не придуривайтесь. Томпсон и её шайка. Когда. Они. Ушли.

— А... эм... — это уже была брюнетка. Содержательно. Я сделал два шага вперёд, внаглую вторгаясь в зону их личного пространства. Шутить или ещё что я сейчас был совершенно не намерен. Если... Если с Петрой что-то случится... Им будет больно. Очень, очень больно. Всем.